

2. Кризис организации труда

Такой же отказ от решения структурных проблем в промышленности сыграл решающую роль в подлинном кризисе советской индустрии, начавшемся с середины 70-х гг. в системе, в которой теперь, казалось бы, присутствовала вся совокупность черт промышленно развитой экономики. О кризисе свидетельствовал ряд симптомов: резкое падение темпов промышленного роста, производительности труда (на фоне ухудшающейся демографической ситуации), снижение отдачи от капиталовложений, рост незавершенного строительства, уменьшение потребления...

Сложившееся положение было результатом различных долгосрочных тенденций и той специфической экономической политики, проанализированной нами выше и именно с середины 70-х гг. приобретающей все более консервативное, даже реакционное содержание.

Среди долгосрочных тенденций важную роль играли:

— неблагоприятная демографическая ситуация, прежде всего в связи с уменьшением доли трудоспособного населения. Начиная с 1975 г. стало уже невозможно любыми средствами поддерживать экономический рост, прибегая, как прежде, к массовому привлечению новой рабочей силы. Экономика наткнулась на демографический барьер, и теперь темпы ее роста определялись ростом производительности труда (темпы которого все время снижались). В этих условиях правительство решило пойти «обходным путем», который состоял в массовом импорте иностранной техники и технологий в надежде быстро поднять производительность труда. Такой путь привлекал руководство больше, чем реформа организации труда, от которой можно было ожидать только медленных и предположительных результатов;

— истощение традиционной сырьевой базы и постоянное смещение добывающей промышленности, прежде всего топливно-энергетического комплекса, на восток, что вело к росту себестоимости сырья, а также обостряло положение с транспортом — еще одной серьезной проблемой в СССР;

— физический износ и моральное старение оборудования и основных фондов;

— рост удельного веса военных расходов, непосредственно отражавшегося на развитии гражданского производства;

— кризис организации труда, отмеченный торможением и провалом беспрестанно перекраиваемой реформы, а также консервативным уклоном политики правящей верхушки, который некоторые расценивали как «неосталинизм».

Несомненно, последний фактор оказался решающим в возникшем кризисе, на что еще в 1983 г. указывала академик Т.Заславская в своем знаменитом теперь «Новосибирском докладе» (прозвучавшем в то время лишь на закрытых собраниях Академии наук и на партийных совещаниях, а потом «тайно» попавшем на Запад). По мнению Т.Заславской и ее сотрудников (большинство которых объединялось вокруг издаваемого новосибирским Институтом экономики и организации промышленного производства журнала «Эко»), причина кризиса коренилась в неспособности существующей системы обеспечить эффективное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала общества, Система оставалась по существу той же самой, что и при ее возникновении в 30-е гг., несмотря на проведенные после смерти

Сталина реформы: чрезмерная централизация, директивное планирование, отсутствие рыночных ценообразований и организации использования ресурсов, контроль всех способов материального стимулирования трудящихся центром, ограничение или просто запрещение всех видов индивидуальной трудовой деятельности населения в производстве, сфере услуг, торговле. В этом скрывался принципиальный порок системы в целом: трудящиеся могли рассчитывать только на деятельность в общественном секторе. Любая личная инициатива считалась нелегальной и относилась к теневой экономике, непризнаваемой официально, какой бы полезной экономически она ни была. Общественный сектор был к тому же совершенно невосприимчив к индивидуальной творческой инициативе трудящихся. Теоретически приветствовалась всякая инициатива, но различные формы участия трудящихся в управлении предприятиями всегда сталкивались с ограниченностью прав самих предприятий: как участвовать в управлении, если единственное, что позволено, — это «обогнать план»? Бригадный эксперимент основывался на допущении крайне ограниченного самоуправления крошечным отрезком общего процесса производства, но даже на этом уровне проявление инициативы полностью зависело от выделенных бригаде средств. Таким образом, если и предполагалось, что трудящиеся должны непосредственно действовать в интересах общества, то во всякой личной позиции и ответственности в этом отношении им было отказано. Тот, кто «хорошо» работал, в лучшем случае получал «премии», которые в то же время все меньше зависели от реальных результатов, индивидуальных или коллективных. В основном они начислялись автоматически, что сводило их стимулирующую роль к нулю. Не менее существенное значение в подрыве материальной заинтересованности играл постоянный дефицит товаров, делавший бессмысленным стремление к более высокому заработку. Головокружительный рост сбережений в сберегательных кассах являлся убедительным свидетельством невозможности для огромного большинства населения удовлетворить свои потребности.

Эти противоречия, заключала Т.Заславская, не были чем-то новым. Но даже если существующая система была выносима — экономически и социально — в 30 — 40-х гг., даже в 50-х, когда рабочие и служащие подчинялись военной дисциплине, а крестьяне были загнаны в колхозы, лишены паспортов и права переезда в город, то в 70 — 80-е гг. из-за глубоких изменений, произошедших в самом обществе, она стала нетерпимой.

Академик Заславская не оставляла выбора: чтобы выйти из кризиса, вызванного прежде всего провалом системы организации труда, введенной в 30-х гг. и с тех пор сохранявшейся в главном и основном, было необходимо допустить частную инициативу, определив оптимальную, с точки зрения общества, сферу ее приложения. Что же касается перспектив общественного сектора, то наиболее радикальные экономисты во главе с академиком А.Аганбегяном, руководившим журналом «Эко», прогностировали в 1982 — 1984 гг. возможность трех вариантов реформ. Первый вариант сводился к своего рода программе «стабилизации» положения в экономике: предусматривалось добиться улучшения без кардинальных изменений — например, расширяя права предприятий, развивая прямые связи между ними и создавая межотраслевые проекты. Второй вариант представлял собой «умеренную» реформу, в результате которой было бы сокращено большинство отраслевых министерств. Наконец, третьим вариантом была «радикальная» реформа с упразднением всех «экономических» министерств. Компетенция Госплана была бы ограничена исключительно планированием макроэкономических соотношений; предприятия получили бы самую широкую самостоятельность в управлении. По сути, в последнем варианте подразумевалась экономическая модель венгерского типа.